

Корбетт Джулиан Стаффорд

**Операции английского флота
в Мировую войну**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д42

Д42 **Джулиан Стаффорд К.**
Операции английского флота в Мировую войну: Том 2 / Корбетт Джулиан
Стаффорд – М.: Книга по Требованию, 2022. – 404 с.

ISBN 978-5-519-90295-3

ISBN 978-5-519-90295-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Перевод на русский язык II-го тома сочинения Корбетта „Naval Operations“ является следующим шагом по пути ознакомления нашего читателя с официальной историей боевых действий английского флота в мировую войну¹⁾.

Этот том охватывает период войны с ноября 1914 г.—приблизительно по май 1915 г., когда воюющие стороны, разрядив в первых боевых столкновениях свой импульс в духе первоначальных планов, стали перед новой обстановкой, сложившейся в результате этих столкновений.

Обстановка конца 1914 года уже далеко не отвечала предположениям о быстром окончании войны, которые имели место в ее начале и которые лежали в основе предвоенных планов развертывания. Наоборот, начал вырисовываться, и в дальнейшем крепнуть—затяжной характер кампании. Война „на сокрушение“, постепенно, по мере стабилизации позиционных форм борьбы на фронте во Франции и выяснившихся особенностей операций на русском фронте—перерождалась в „войну на измор“. Это перерождение характера войны типично для охваченного настоящим томом периода кампании. Именно за период с конца 1914 по лето 1915 года идея „измора“ получает значение главного, доминирующего момента в общем течении военных событий.

Правда, как в это время, так и до конца войны, расчеты на „сокрушительный удар“ не оставляют стратегов держав Согласия. В частности, данный период характерен поисками новых направлений, операции на которых дали бы наиболее „сокрушительный“ эффект и привели бы к быстрому, решающему результату. Но, независимо от этих попыток, неизменно, и все в большей степени, главенствующее значение принимает борьба на истощение боевых и жизненных ресурсов Германии, определившая основную „линию поведения“ союзной стратегии.

Отсюда—морская блокада получает значение одной из важнейших операций и блокадная деятельность английского флота становится по существу тем фоном, на котором приходится рассматривать последующие боевые операции в этот период мировой войны. Она выразилась в соответствен-

¹⁾ 1-й том издан Редакционно-Издательским Отделом Морских Сил РККА, совместно с О.С.О. Балтийского моря в 1927 г. Перевод М. Л. Бертенсона.

ном развертывании главных сил английского флота в Северном море, их боевой блокадной службе, сочетаясь одновременно с задачами по охране морских коммуникаций Англии и ее союзников.

II-й том Корбетта дает картину ряда операций по усилению блокады, установлению все более жесткого ее режима, потребовавшего изменения дислокации английского флота в Северном море, а на океанах—довершения очистки морских путей от германских крейсеров, доставивших столько „беспокойства“ английской стратегии и общественному мнению в первые месяцы войны.

Однако, с появлением на смену уничтоженным германским крейсерам—подводных лодок, эта задача значительно осложнилась. *Подводная война*, значение и возможности которой не дооценивались в начале кампании, теперь, вдруг и неожиданно, оказалась фактором более грозным, чем то можно было предполагать.

Период—конец 1914—лето 1915 года—совпадает с началом подводной войны, еще неуверенно проводимой германским командованием, со всевозможными послаблениями и ограничениями, вызванными опасением причинить убытки нейтральному мореплаванию, и при том в масштабе—не отвечавшем стремлению решить подводными лодками основную задачу, к которой могла быть направлена стратегическая мысль Германии—к пресечению морских сообщений Англии. Германское командование не использовало обстановки неожиданности, выгод отсутствия у противников средств борьбы с подводной опасностью: лодок было мало, действия их, как сказано, были стеснены. И все же, несмотря на это, потери союзного тоннажа от подводных лодок за 1915 год достигли огромной цифры в 1.724.000 тонн, далеко превзошедшей потери от крейсеров в начале войны.

Это новое условие—охрана мореплавания от подводных лодок—легло тяжким бременем на английскую морскую стратегию и чрезвычайно осложнило ее задачи.

Описанию событий, имевших место в этой области, Корбетт уделяет достаточно места в своей книге, и они представляют громадное значение для изучения мировой войны.

В равной мере, с глубоким интересом читается его разбор операций набегов германского флота на английское побережье, в центре которых стоят две операции, вошедшие в содержание настоящего тома: набег на иоркширское побережье 16 декабря 1914 г. и операция, приведшая к бою у Доггер-банка 28 января 1915 г. Они показательны для стратегии флота слабейшего, каковым был германский флот, почти вдвое уступавший английскому, рисуя роль и значение подобного рода набегов, содержа ряд тактических и стратегических поучений.

В настоящем кратком предисловии мы не предполагаем, однако, касаться этих операций, несмотря на всю поучительность их. Они получили достаточное освещение в нашей послевоенной литературе. Мы имеем в виду остановиться, несколько более подробно, на *Дарданелльской операции*, которая по существу является основной темой настоящего тома.

Обратить внимание читателя именно на эту операцию нас побуждает не только общий интерес, каковой она представляет сама по себе, но и то значение, которое она имеет для выяснения ряда принципиальных вопросов, сочетающихся в ее опыте. Тем более, что вопросы эти косвенно тяготеют к нашей морской проблеме,—к обороне берегов от нападений сильного морского противника. Можно с уверенностью сказать, что современные суждения о „борьбе флота с берегом“ в значительной мере обосновываются опытом Дарданелльской операции, который дает громадный материал для разработки вопроса о взаимодействии флота и армии в условиях обороны берегов.

И еще потому мы считаем необходимым обратить внимание на эту операцию, что итог ее, неудачный для нападавшей стороны, в восприятии некоторых военных, а отчасти и морских кругов, был сведен к выводу, получившему довольно широкое распространение,—выводу о том, что *флот бессилен против береговых укреплений*. А отсюда следует утверждение, что *оборону берегов достаточно базировать на крепостные береговые сооружения* и что роль собственно флота обороняющего, при превосходстве сил на стороне противника, является несущественной.

Не надо и доказывать, в какой степени важно для нас разобраться в этой стороне опыта Дарданелльской операции, тем более, что такие выводы нередко фигурируют на дискуссиях по вопросу об обороне берегов, а—иногда—и в деловых суждениях.

Затем, остается не вполне ясной для многих проблема десантных операций вообще в перспективе „войны будущего“. Есть мнения, пренебрегающие значением десантных операций, оценивающие „угрозу с моря“ сквозь призму Дарданелльского опыта, т. е. как угрозу не слишком опасную, поскольку туркам, с их слабыми средствами, удалось отразить мощное наступление союзников, располагавшими здесь значительными морскими силами и крупным десантом.

Наконец, здесь же мы теснейшим образом соприкасаемся с проблемой смешанных, т. е. совместных операций армии и флота, в понимании их на фоне современной войны вообще. Одно из течений руководящей военно-сухопутной мысли, ярким представителем которого является проф. Свечин, отводит ничтожно малое значение этого рода операциям,

располагая свои суждения, главным образом (а подчас и исключительно)—на арене сухопутного, континентального, театра, как театра решающего. Дарданелльская операция и, в особенности, объективные условия, ее вызвавшие, дают убедительный материал для суждения о степени правильности такого взгляда.

Является ли прецедент исхода Дарданелльской операции „лебединой песнью“ крупного десанта вообще, или же, наоборот, она начинает новую эпоху, в которой применение больших десантов получает особое значение?

Действительно ли доказали „беспомощность“ флота с десантом против укрепленного района крепости, или же причины неудачи союзников следует искать в объективных условиях, а затем в ошибках при замысле и проведении операции?

В какой мере „опыт Дарданелл“ может быть распространен на оборону берегов вообще?

Вот три основных вопроса, на которых мы хотели бы специально остановиться в предисловии, и которые, по нашему мнению, имеют практическое значение при усвоении опыта Дарданелл для черпания оттуда практической — полезных — поучений.

Изложение Дарданелльской операции достаточно объективно, автор не скрывает ошибок и называет вещи своими именами. Может быть—потому, что неудача этой операции была признана общественным мнением Англии еще во время войны, потребовавшим производства официального расследования действий руководящих лиц, благодаря чему все детали ее уже стали достоянием печати. Тенденция „прославления английской доблести“ в этих условиях вряд ли удовлетворила бы даже английского читателя, и этим следует объяснить наличие критического разбора описываемых фактов. Такую критику, очень обоснованную, сопровождаемую ценными рассуждениями и выводами, мы и находим у Корбетта в его главах о Дарданелльской операции.

Обстоятельно, не вся операция описана в настоящем томе. Ее описание доведено до высадки у Суэлы. Как эта высадка (август 1915 г.), так и последовавшая затем ликвидация операции помещены в III-м томе. Однако, здесь дано основное: общий стратегический фон, на котором созрел замысел операции, влияния, которые оказывали на нее давление, и планы, логическим завершением которых и явился исход операции. Это дает нам право, предвосхищая конец, говорить о всей Дарданелльской операции в ее целом.

В обстановке конца 1914-го—начала 1915-го г. выяснились два характерных момента: во первых, определившийся позиционный характер войны на западном фронте, при не-

сомненной стойкости здесь германского развертывания, не дававшего союзникам надежд на достижение решительного успеха в ближайшее время на этом направлении; во-вторых, с пополнением французских армий английскими подкреплениями сопротивляемость французского фронта возросла настолько, что его можно было считать достаточно прочным в случае возобновления германского наступления.

Возникла мысль об использовании новых английских формирований в других направлениях и о выборе нового операционного направления. Хотя возможности стратегического маневра во Франции и были скованы условиями позиционной войны, однако, таковой маневр мог быть произведен в *любом* направлении со стороны моря, где господствовал союзный флот.

Этот момент, когда стратегическая мысль обратилась к морским театрам с целью поисков возможности отсюда нанести удар противнику, прекрасно разобран Корбеттом и являет, пожалуй, наиболее ценную область выводов и ~~суждений~~, которыми он иллюстрирует изложение исторического хода событий.

Им особенно подчеркивается этот *поворотный пункт* союзной стратегии и оттеняется громадное значение „сухопутно-морских“ операций для создавшегося положения, вызывавших теснейшее единение сухопутной и морской руководящей мысли и воли. Выдвинутый Корбеттом термин „сухопутно-морская война“ (*amphibious warfare*) понимается им, как то явствует из изложения, в виде использования флота и армии на одном общем направлении, для достижения целей той же операции. Здесь морской театр выходит из роли, на которую его обрекает узко-сухопутная доктрина, рассматривающая море только как арену для экономического воздействия (блокады); рамки совместной деятельности флота и армии не ограничиваются только тактическим **контактом** в общих операциях; вопрос ставится в плоскости широкого использования морского направления для осуществления стратегического маневра. Этим практические границы между морской и сухопутной стратегией как бы стираются, а их единство подчеркивается со всей убедительностью. С момента, когда французский фронт стабилизировался, направлением, доступным для выполнения стратегического маневра, оставалось широкое пространство моря, и маневр этот должен был составить *неразрывную часть* общего стратегического замысла главного союзного командования.

Однако, положение это не было одинаково оценено различными кругами командования. Были выдвинуты и противопоставлены две точки зрения. Одна—явно не дооценивала перспектив „маневра через море“. Таковой была точка

зрения сухопутного французского командования, поддержанная и мнением командования английскими войсками. Другая точка зрения—морской Англии, Адмиралтейства и части правительства, наоборот, базировались на необходимость использовать морское направление для нанесения с этой стороны удара по развертыванию сил противника. «Вполне извинительно—пишет Корбетт—что кабинет не мог и не хотел стать на точку зрения главнокомандующего (т. е. Френча, *М. П.*), идущую в разрез с историей, и означающую банкротство всех наших традиций. Помня пример того, как во времена Наполеоновских войн главные силы английской армии, находящиеся в Испании, поддерживаемые флотом, успешно действовали вдали от главного театра, правительство не могло столь легко отказаться от мысли использовать какое либо самостоятельное оперативное направление, на котором господство наше на море давало бы преимущество над Германией, подобное тому, которое Веллингтон имел перед Наполеоном“...

Здесь мы застаем главное руководство английского и французского командования как бы на распутье, ибо эти точки зрения, взаимно противоположные, могли быть примирены лишь в компромиссе, поскольку сталкивались два представления, питаемые принципиально-отличными взглядами на стратегию.

Обозначилось также и расхождение во взглядах между Францией, горизонт которой был ограничен непосредственно нависшей над ней угрозой самому ее существованию, и Англией, метрополией которой была вне опасности и которая могла широко оценивать положение на всем мировом театре. Сказанное характеризуется репликой Корбетта: „Отличительной особенностью «сухопутно-морской» (*amphibious warfare*) войны являются выгоды, вытекающие из возможности менять оперативное направление. Но использовать выгоды ведения войны соединенными союзными силами трудно, даже тогда только из требований стратегии. Когда же ~~вопрос обстоит~~ политическими соображениями и необходимостью вести длительные переговоры, то он становится почти неразрешимым“.

Эти противоречия как принципиальные, так и политические вполне характеризуют обстановку, при которой впервые возник вопрос об организации и подготовке Дарданелльской операции. Они не отпали даже после принятого решения об ее осуществлении и отразились самым пагубным образом на всей операции, начиная с момента возникновения мысли о ней, и в дальнейшем, при ее выполнении.

Этот момент „распутья“ в области руководства войной, сказавшийся затем на замысле и выполнении одной из важнейших операций кампании, должен быть нами отмечен

как **факт**, имеющий принципиальное значение для суждения о „довоенном“ состоянии стратегии и степени соответствия ее обстановке, сложившейся в данный период мировой войны. Несомнительно ее выяснилось тотчас, когда определился характер последней с устойчивыми „стабилизированными“ фронтами, с ограниченными возможностями маневра на сухом пути, при наличии в то же время грандиозного масштаба борьбы, ареной которой оказалось большая часть мира, а ресурсами воюющих—мобилизованные до пределов материальные и духовные силы народов. От стратегии требовался иной масштаб, иной размах идей и иной характер деятельности. Это вызвало пересмотр работы стратегии в ряде областей: в отношении материального обеспечения операций, в переоценке организации методов ведения войны, в пересчете всех расчетов, которые были сложены ранее, но не отвечали новым условиям, в переоценке средств, и пр.

Здесь сказался сепаратизм сухопутной военной доктрины, сложенный опытом войн прошлого, протекших на ограниченных театрах, диапазон операционных направлений которых ограничивался по преимуществу направлениями сухопутными, оставляя морские — вне горизонта, как побочные и вспомогательные, *не главные* — во всяком случае. И вот, теперь, в период, предшествовавший Дарданелльской операции, когда обстановка выдвигала необходимость осуществления *крупного маневра через море*, сухопутная доктрина отнеслась к этой идее с недоверием: ходом *своего* предыдущего пути она была неподготовлена воспринять ее.

Дарданелльской операции в ее первоначальном замысле, предполагалось придать крупный решающий масштаб: вывод Турции из войны, открытие путей через проливы для питания России, удар на центральные державы по *обнаженному* южному направлению, а для Англии — полное обеспечения Египта — все это решалось одной операцией, в одном направлении. Корбетт доказывает, что именно отсюда можно было решить исход войны гораздо проще и быстрее, нежели безмерно кровавыми, длительными и основанными лишь на противопоставлении немцам более мощного, нежели у них кулака, лобовыми ударами, оказавшимися для Германии смертельными только тогда, когда союзники получили американские пополнения и когда она была окончательно истощена четырехлетней, „голодной“ блокадой... Яркие перспективы маневра „через море“ на Дарданеллы, которые намечает Корбетт, служат критерием для оценки несостоятельности доктрины, руководившей войной и превратившей крупную цель, большую идею, в безнадежный компромисс, каковым была с самого начала и каким осталась до конца — Дарданелльская операция.

Если „узко-сухопутный“ характер военной доктрины оказался несостоятельным в мировой войне, и уже там обозначилась тенденция недооценки „маневра через море“, выразившаяся во взглядах руководящих сухопутных кругов, что имело своим следствием крупную неудачу в операции на Дарданеллы, то мы в праве опасаться, что она приведет к полному тупику в дальнейшем, в перспективе „войны будущего“, когда, в иных случаях, сухопутные стороны вовсе не будут иметь сухопутных границ между собой (например—Англия и С.Ш.А.), и, следовательно, не будут вовсе иметь возможности иначе как „через море“ направить свой удар; в других—морские направления будут сочетаться с сухопутными, как неразрывные звенья той же цепи, или, в третьих, когда достижение цели только через континент окажется либо вовсе невозможным, либо требующим чрезмерных усилий и жертв...

Недооценка морских направлений, сугубо-сухопутный характер в особенности был присущ русской стратегии, что наглядно видно в истории последних войн царской России. Мы хронически пренебрегали морскими направлениями, терпя от этого тягчайшие последствия.

Так, в Крымскую войну, несмотря на то, что направлением, фактически решившем ее исход, было морское направление на берега Черного моря, а важнейшим пунктом был Севастополь, русское командование, в течение всей войны считало главным направлением—направление на западную границу. Тогда как там—флот должен был снять свои команды и орудия, передав их на защиту крепости, испытывавшей жесточайший недостаток в гарнизоне и снабжении, здесь—в этом направлении—оставалась бездействовавшая 500-тысячная армия...

В русско-турецкую войну также сказались односторонняя подготовка, при полном пренебрежении морским направлением. За 6 лет до войны, в 1871 году Россия, устами Александра II, заявила об отказе от некоторых статей Парижского договора, лишавших ее права держать военный флот на Черном море; но за эти 6 лет фактически почти ничего не было сделано для реализации этого заявления: в войну мы вступили без флота, всецело полагаясь на сухопутные направления. С громадными жертвами, преодолев ряд исключительных трудностей, русская армия подошла к рубежам Константинополя, совершенно необеспеченная со стороны моря, не имея решительно никаких средств для защиты Босфора от занявшего угрожающе-демонстративную позицию английского флота. Факта появления английского флота оказалось достаточным, чтобы дорогой ценой купленная победа обратилась в положение едва ли не безвыходное для победоносных войск: под угрозой английских

броненосцев русское правительство подписало условия мира, не ответившие ни целям, с которыми была начата война, ни ресурсам, на нее затраченным, ни, наконец, победам, одержанным русской армией над турками.

То же самое мы видим в русско-японскую войну, когда недостаток сил на море, вызванный, в конечном счете, пренебрежением сухопутной стратегии, всегда главенствовавшей, всегда чуждавшейся морских проблем, к интересам морской обороны, фактически предопределил направление кампании, которое привело Россию к ряду военных поражений.

Ее же, эту тенденцию недооценки морских направлений, мы видим и в мировой войне, и в частности, в вопросе, имевшем теснейшее соприкосновение с Дарданелльской операцией, составлявшем как бы вторую сторону ее в вопросе о десанте на Босфор.

Идея этого десанта имела за собой уже 35-ти летнюю историю: 35 лет Россия готовилась к операции, временами усиленно, временами остывая в своем интересе к этой идее, которая никогда за этот срок не сходилась окончательно с очереди стратегических предположений. К моменту подготовки Дарданелльской операции, начатой по просьбе русского командования ¹⁾, было бы естественно ждать соответственного пробуждения интереса к операции на Босфоре, усиленной подготовки к ней. Но мы наблюдаем странную, непонятную картину почти полного равнодушия русской ставки к подготовке и выполнению этой операции. Действительно, был приготовлен корпус; действительно, была в относительной готовности транспортная флотилия, и—флот выходил к Босфору, произведя несколько бомбардировок. Но за всем этим чувствовалось с полной несомненностью, что это, с русской стороны, были, как бы вынужденные, ни в какой мере не питаемые твердой волей к осуществлению, мероприятия более демонстративные, более для удовлетворения мнения союзников, нежели имеющие фактически боевое значение. Идея Босфорской операции так и оставалась в стадии отдаленных предположений, не будучи ни разу реально поставлена на очередь для осуществления. Русской сухопутной доктрине были в особенности чужды действия на

¹⁾ В конце 1914 года, когда назрел вопрос о возможности использования новых пополнений английских войск на морском направлении, английское командование находилось в нерешительности—куда направить проектируемую операцию: на Фландрское побережье, на Салоники, на Александрию, или, наконец, на Дарданеллы. Просьба русской ставки произвести демонстрацию против Дарданелл, с целью отвлечения сил турок от Кавказского фронта, послужила решающим моментом в выборе именно этого направления.

морских направлений. И даже тогда, когда в составе черноморского флота были три дредноута и он подавляюще был сильнее германо-турецких морских сил, когда Россия фактически располагала транспортной флотилией, способной поднять и высадить на берег два с половиной корпуса одновременно, когда общее положение на сухопутных фронтах характеризовалось (к 1916-му году) значительным усилением, в особенности в области технического и материального обеспечения, когда Румыния еще не была разбита; когда, казалось, возможности осуществления этой операции были достаточно благоприятны—в ставке идея операции на Босфор рисовалась не в виде морской операции, а в виде *марша через Румынию и Болгарию*, в тягчайших условиях сухопутной операции, имея с фланга и тыла германо-австрийскую армию... Но—такое направление отвечало „сугубо-сухопутной“ тенденции русской стратегии, оно было понятно ей, и укладывалось в русло уже проторенного пути, тогда как „маневр через море“ был принципиально чужд „доктрине“, оставаясь вне шор ее.

Вот почему, отвечая на первый из поставленных нами вопросов, в отношении общего значения Дарданелльской операции для подведения итогов мировой войны, мы приходим к выводу:

1) Учитывая характер современной сухопутно-морской войны, Дарданелльскую операцию мы должны понимать,—независимо от ее результата и специфических условий, которые ей сопутствовали,—как прототип громадных смешанных операций, освещенных идеей „маневра через море“, которые должны быть восприняты стратегией в их полном значении для условий, в которых мыслится „война будущего“.

2) Для нас—в предвидении борьбы с противниками, обладающими мощными морскими силами,—приобретают особую важность соображения о возможностях для противников „через море“ направить свой удар и это морское направление должно найти себе надлежащую оценку в работе нашей стратегии. Не „экспедиций“ демонстративного значения и не стратегических „уколов“ со стороны моря мы должны ожидать от врага, но операций крупного масштаба, того масштаба, который был присущ первоначальному замыслу Дарданелльской операции. Соответственно этому и должно ставить проблему обороны наших берегов.

Если одной из объективных причин, обусловивших неподготовленность союзников, была неспособность сразу воспринять идейную сторону маневренной операции „через море“, каковой явилась операция против Дарданелл, а след-